

Все перечисленное дает основание восстановить первоначальное и правильное чтение текста „Повести“ и одновременно наводит на мысль о том, что Новгородскую летопись, в частности список С, нельзя признать источником, откуда заимствовалась повесть в Еллинский летописец, порою сохраняющий более правильное чтение. Очевидно, тексты Еллинского летописца опираются на какой-то другой, не дошедший до нас протограф.

III

Ценность повести как исторического источника несомненна. Она определяется прежде всего относительной беспристрастностью, „нейтральностью“ в изложении событий. В то время как Виллардуэн и другие западноевропейские авторы рисуют события с точки зрения „христового воинства“, крестоносных рыцарей, а Никита Хониат выражает отношение византийской аристократии к гибели Византии, — „Повесть“, по всей вероятности, написана очевидцем, непосредственно не пострадавшим от событий, не принимавшим в них активного участия, а лишь наблюдавшим их „со стороны“. Виллардуэн явно замалчивал или смягчал бесчинства крестоносцев в захваченной ими столице и превозносил военные доблести своих соратников¹. Никита Хониат горько и гневно изобличал насилия врагов над населением города, но, несомненно, склонен был их преувеличивать. Автор „Повести“ также говорит о преступлениях крестоносцев, но отнюдь не оправдывает и византийскую знать во главе с императорами. Поэтому к показаниям русского автора во многих случаях следует относиться с бóльшим доверием, чем к остальным источникам.

Далее, обращает на себя внимание полное отсутствие в „Повести“ какого бы то ни было религиозного прагматизма, столь характерного для мировоззрения историков феодальной эпохи.

Автор „Повести“ не объясняет бедствий, постигших Византию, гневом божества или возмездием за грехи ее жителей. Наоборот, он отмечает социальные и политические причины поражения византийцев и столь быстрого захвата врагами их столицы. Прежде всего причиной гибели империи рассказчик называет „сваду цесаревъ“, т. е. междоусобную борьбу императоров. „Повесть“ показывает, как во время штурма Царьграда „бояре“ отказываются его защищать и во главе с императором и патриархом позорно бегут из захваченного врагами города. Автор подчеркивает, что лишь немногочисленные защищавшие городские стены отряды греческих воинов и наемных варяжских дружинников, верных своей присяге, доблестно погибли, будучи изрублены мечами вторгшихся на укрепления города крестоносцев.

В поле зрения автора „Повести“ отчетливо проступают три социальных прослойки населения византийской столицы и, в соответствии с этим, — три политических группировки.

Первая — „бояре“, т. е. придворно-военная аристократия, императорская гвардия. Вторая — „добрые мужи“ или „добрые люди“, просто „людие“. Это, несомненно, средние слои более или менее зажиточных горожан. Третья — „чернь“, — демократические низы населения (ремесленники) и многочисленный в византийской столице люмпенпролетариат.

Проследим, как взаимоотношения этих группировок представлены в „Повести“².

¹ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 229—230.

² Цитаты приводятся по Синаодальному списку.